

За и против интерпретации

Хахим Бей

Ангелы стучатся в двери таверны.

Хафиз из Ширази

Килдер плосок – так что куда бы вы ни двигались, вы видите линии электрических огней, марширующие сквозь ландшафт, как голливудские марсиане. Патрик остановился во «Дворе епископа», который, несмотря на название, представлял собой трехкомнатный домишко плюс старый хлев, забитый, точно мусором, поделками Хилариуса и прочих, среди которых оказались и несколько штук, сделанных из ржавых сельскохозяйственных орудий и кусков дурна, нарезанных в ближайшем болоте. Попив чаю в продуваемом всеми ветрами, слякотном крестьянском дворе, мы отправились искать церковь и колодец Святого Патрика – это оказалось недалеко, на другом крестьянском дворе, рядом с металлическим сараем, в окружении коров и коровьего навоза архитектура – XIII век или раньше, романская с примесью готики (или египетского стиля?) – в стрельчатых арках окон – отреставрированная в 1950-х, но забытая и заросшая плющом и паутиной, - призывающая к смирению, потому что чтобы войти, нужно нагнуться, как в дзэнской чайной. Наши приятели Джеймс и Шон решили оживить ее, построить алтарь и повесить латунный колокол на колокольне, а потом посмотреть, сколько времени пройдет, пока кто-нибудь это заметит. Мы идем по дороге, время от времени сворачивая в полевые цветы на обочине, чтобы пропустить автомобили богатых фермеров, а затем ныряя в заросли ежевики, усыпанные поздними цветами и ранними ягодами. Колодец, кажется, не фигурирует ни в одном списке достопримечательностей – возможно, больше никто его не посещает. Как и прочие источники, которые я встречал в Ирландии, он похож на сапфир в оправе из изумруда, вставленный в оправу их нефрита в руке друида; мы трижды обходим его по часовой стрелке, а затем пьем – автомобили проносятся шагах в двадцати от нас – Шон недавно видел здесь приведение и оставил его портрет – нечто вроде гипсовой маски на камне рядом с колодцем.

Как утверждал андалузский суфий XIII века Ибн Араби, существуют «тонкие материи», протянутые между небом и землей, как лестницы Иакова – и «смыслы», которые спускаются по этим материям, как ангелы. Мне кажется, мы в самом деле видели материи – полупрозрачные ленты света, лучи *auroa borealis*, в пульсирующих

узлах, похожих на звезды, падающие сквозь марлеву занавеску. Нет нужды ограничивать это ощущение теологическими или психологическими истолкованиями – для наивного реалиста любое переживание с одинаковым правом претендует на онтологическую аутентичность: он видит приведение и чувствует схождение смыслов точно так же, как видит и чувствует теплый дождь. Но как далеко может зайти наша наивность? Не беда, даже самая передовая наука и самая глубокомысленная теология в моменты недоумения приводит нас к тому же экзистенциалистскому принципу: раз нечто является, оно вполне может быть реальным. Так что если смысл, сходящий к нам по тонкой материи, реален, можно обнаружить и его источник, который так же реален – или достаточно реален для наших сегодняшних целей; этот путь гностики-исмаилиты называют та'вил, или интерпретация. Психолог сказал бы, что знание, которое рождается в процессе этой операции, приходит изнутри; с точки зрения теолога оно приходит из внешнего мира – но для нас оба эти объяснения утратили способность вводить в заблуждение. Словно алхимический процесс, интерпретация являет себя как внутри, так и снаружи, и никогда – в одно и то же время; как «герменевтическая экзегеза» (по выражению Генри Корбина) она принадлежит промежуточному миру, перешейку, называемому *Mundus Imaginalis*, где образы автономны или где грезы предсказывают действительность. В одном отношении не реальный и не нереальный, а в другом – вполне способный являться на в виде привидений, мир воображения ведет себя так, словно он представляет собой источник значений, место пребывания действующих лиц, дыхание мира. Науки и религия могут, объединившись, называть это заблуждением – но для нас это скорее источник полного отчаяния. Двухмерность противоборствующих эпистемологий, дихотомий, семантических ловушек, дурных поверий – на хер науку и религию – мы должны требовать рациональности чудесного: положить конец насилию толкования.

В этом контексте индивидуумы и группы сами отвечают за налаживание контакта с собственными ангелами – даже мистики гуру в этом смысле вели нас неправильным путем, потому что они становятся между нами Ии нашим собственным знанием и претендуют на авторитет, сводящий нас к роли субъектов, точнее, объектов – объектов чьей-то интерпретации. Похоже, мы неизбежно впадаем в древнюю ересь, основанную на презумпции, что каждый человек каждую секунду в точности знает, что происходит и что делать, – но лишь в том случае, если он может освободиться от нужды, угнетения и удушающего воздействия ложного сознания – и убежать от дефицита, с помощью которого авторитет измеряет свое богатство и свою власть над нами. Прежде всего – от дефицита интерпретации.

Самая разрушительная сила интерпретации принадлежит самому капиталу, который претендует на свободу от любой двойственности, от любой инакости – в окончательном «непотребном экстазе» объединенного и плоского сознания: универсализация денег в концептуальном пространстве, когда они предстают отдалившимися и парящими над всяческим грязным простым производством, – нечто вроде нумисферы или небесной погоды чистых денег – и глобальный долг, долг всех и каждого ничему, словно «черная дыра» в горизонте событий, засасывающая

каждую последнюю частицу света в пустоту вне истории. Согласно «естественному закону» этого всеобщего освобождения денег, ничто – даже воздух, вода или грязь – не может переживаться непосредственно индивидуумом или группой: все должно быть опосредовано самими деньгами, которые готовы встать между сознанием и производством как абсолютный фильтр, стирающий все следы аутентичности и выставляющий за них счет (фактически себе): высшая власть за пределами даже авторитета и закона. Прежде всего, капитал стремится приобрести монополию на интерпретацию.

Вальтер Беньямин разъяснил процесс, при котором товар весь пронизан «утопическим следом» – то есть образом или обещанием: это значит, что объект, выставленный на продажу, содержит некоторую будущность или место-вне-места, где ваше сознание снова обретет значимость, а опыт – реальность. Если продукт не рекламирован должным образом, вы его не купите; но если продукт выполнил свое обещание, вы перестанете покупать другие продукты: зачем тратить деньги, если реализация достигнута? – и таким образом спровоцировать падение капитализма. Деньги могут свободно обращаться только в мире постоянного разочарования – воспроизводство дефицита равно производству богатства. Я богат лишь тогда, когда другие бедны, – но сами по себе деньги не знают другой конечной цели, кроме как абсолютная нищета всего, что не является рынком. Давно капитализировав все материальное бытие, власть дефицита не имеет другого выбора, кроме как превратить в товар также образ (и воображение) – на основании того, что это и есть сверхрасширение рынка. Знание должно быть приватизировано, мысль должна быть присвоена, изнасилована, отчуждена, упакована, снабжена наклейкой, прорекламирована и снова продана сознанию. Любое творчество должно иметь стоимость, и даже из самого процесса сопротивления этому присвоению должна быть извлечена выгода. («Стань бунтарем – купи Тойоту!» или «Имидж – ничто, жажда – все», как рекламный девиз для какого-то гнусного прохладительного напитка). Все информационные средства, от образования до рекламы, посвящены тому, чтобы лишить образ любой связи с жизненным опытом и вновь материализовать его в виде товара. Работай, потребляй, умирай.

Туризм – это совершенная форма капитализма: потребление образа мира таким, какой он есть – лучшие товары, выставленные на продажу, включают географию (вписывание значений в ландшафт) и историографию (вписывание значений в культурный пейзаж). Но окончательный образ – это «благословение» бараки, свойственной объекту туристического осмотра. Возможный момент реализации упакован, заранее проинтерпретирован официальными экспертами, превращен в серию «видов», отрешен от органов непосредственного ощущения (осознания, вкуса, обоняния); пространство подавлено временем, расслоено, разделено, упаковано на решетке дозволенных ожиданий; становление сведено к сухой дигитализации записывающих устройств, изгнано из памяти и забальзамировано – превращено в противоположность чистого бытия. Так называемые примитивные народу могли бы сказать, что это и есть кража души, что сам смысл вступил на поле разложения, что это некий луч, исходящий из дурного глаза, или иссохшее «я», пожираемое завистью всего значимого. Проблема не в содержании туристского опыта: можно представить себе, что есть туры, основанные на идеях, которые мы считаем абсолютно верными и

даже прекрасными, проблема в их оболочке, в интерпретации, в структуре «диалога», исключающего ответ, резонанс или сопротивление. Некоторые виды путешествий – кочевье, паломничество – возвращают пейзажу смысл. Другие – война, туризм – могут только отнимать его. В таких схемах разрушения взаимность достигает точки исчезновения. Даже самая тонкая пропаганда государства никогда не достигала этой крайней грани – в конце концов, она всегда вызывала оппозицию – зато туризм является собой конец диалектики, ибо единственный жест отрицания, который он вызывает – это терроризм, который, в собственном подавленном контексте, является его «злым близнецом». Турист, соблазненный утопическим следом в его самом остром проявлении, то есть образом различия, становится молекулой загрязнения окружающей среды, несет в себе вирус тождества и груз разочарования в мир, который некогда жил сам для себя.

Роль художника при капитализме можно сравнить с ролью гида: интерпретатор опыта, потребляемого на самом элитарном уровне, он купирует обществу самые тонченные стремления и самые глубокие фобии; при этом даже гид может быть искренним. Но такое сравнение может и возмутить – поскольку намерение художника состоит в том, чтобы вносить смыслы в общий итог переживания, а не вычитать и абстрагировать его. Искусство жеста не предполагает ответный жест, присутствие. Это движение прерывается, по сути, нечеловеческим вмешательством капитала, вмешательством силы, которая способна расти, только создавая дефицит и разделяя. Что, если бы всех художников, поэтов, ученых и музыкантов Ирландии пригласили для того, чтобы они пересоздали новый Центр Интерпретации по собственному образу? Кого заботит, какая возвышенная эстетика претендует на триумф интерпретации, если результат – это всегда подавление нашего собственного творческого начала? На Яве я слышал, что «каждый должен быть художником» - и в самом деле, каждый уже и есть художник в том смысле, что весь переживаемый опыт – это со-творчество «я» и других, производство и одновременно игра и, что самое главное – производство смысла. Нам нужно, чтобы художник не жил за нас, а просто был нашим помощником, нашим спутником, входил в наш круг взаимности – а что до искусства, то если оно способно каким-то образом избежать поглощения миром, мы видим в нем лишь форму оппозиции Единому Большому миру Единого спектакля. Такое искусство отказывается быть частью Великой объединенной теории о конце физике и истории, минимальной заработной платы или чего-то подобного. В нем нет ничего «виртуального», и оно не стремится к состоянию «исчезновения», то есть попросту к поражению. Я полагаю, что современное искусство как сопротивление стремится к состоянию незримости. То, что реально, но незримо – это сила оккультного, воображения, эротики – подобно маске привидения, которую оставил Шон у колодца Святого Патрика; оно возвращает смысл пейзажу – оно остается незамеченным, пока кто-нибудь, может быть, не возьмет его как дар – самим своим существованием оно бросает вызов миру превращенных в товар образов и меняет (пусть только слегка) форму общепринятой реальности. Даже в самых своих тайных и скрытых проявлениях оно производит магнетическое воздействие, вызывает едва

заметные изменения и колебания – и, по крайней мере, теоретически, занимается не разговорами о мире, а его преобразованием. Может быть, в этом акте присутствует скрытая авторитарность? Нет, если это обмен смыслами, прорыв в мар «тонких материй». А что, если оно станет совсем невидимым? Тогда, возможно, мы могли бы говорить о присутствии духов, о необходимости нового колдовства, слишком тонкого для имперской тяжести зрения, и о неизбежной потаенности. А если бы оно вновь появилось где-нибудь как чистая оппозиция бездыханной виртуальности мира, всегда отложенная, всегда отдаленная, всегда роковая?

Мы возвращались в Дублин длинным летним вечером, мимо мегалитических построек, мимо туристических лагерей, мимо крошащихся беседок и зиккуратов безумных лордов XVIII века – мимо больницы Святого Патрика, которую декан Свифт завещал «безумцам Ирландии», - мимо мест, которые, может быть еще не поглотил новый мир евроденег, гольфа, национального наследия. Перед самым закатом мы оказались в Дан Лири, близ башни Мартелло, где любовались тяжелым, тоскливым видом океана под серыми тучами. Палисадники низеньких викторианских приморских вилл украшены одним из моих любимых ирландских растений, таинственными и довольно обтрепанными пальмами, которые напоминают мне о далеком мавританском прошлом, о корсарах-варварах, о монахах и Египта и Испании. Однажды в Ирландии нашли кельтский крест с арабской подписью «Бисмилла» — начальной фразой Корана. Эти пальмы, вероятно, привез сюда какой-нибудь садовод рубежа столетий, влюбленный в экзотику, но для меня они символизируют «скрытую африканскую душу». Начинается теплый темный дождь. Или, по крайней мере, такова моя интерпретация.

*Дублин
23 августа 1996*

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Хаким Бей
За и против интерпретации

Скопировано 2018-01-19 с <http://hakim-bey.gnostik.ru/interp00.htm>

ru.theanarchistlibrary.org